
ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.344

DOI: 10.14258/SSI(2026)2–05

Феномен кумулятивной социальной эксклюзии в «обществе травмы» (на примере современной России)

Валентин Геннадьевич Немировский

Институт научной информации по общественным наукам, Москва, Россия,
valnemirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>

Аннотация. Статья посвящена противоречию между ростом травмирующих ситуаций в современном российском обществе, ведущих к кумуляции социальной эксклюзии различных групп населения, и недостаточной изученностью социального механизма, опосредующего этот процесс. Теоретическую базу исследования составляют научные концепции, рассматривающие общество травмы (работы Р. Айермана, Дж. Александера, Н. И. Лапина, Ж. Т. Тощенко, П. Штомпки и др.). Метод исследования — вторичный анализ данных репрезентативных опросов населения и контента социальных сетей в современной России. Проанализированы такие эмпирические показатели кумулятивной социальной эксклюзии в массовом сознании, как тревожность, уровень стресса, отрицательные эмоции и уверенность в собственном будущем. На основе полученных результатов теория общества травмы дополнена концептом кумулятивной социальной эксклюзии населения, что позволяет уточнить социальный механизм ее воспроизводства.

Ключевые слова: общество травмы, кумулятивная социальная эксклюзия, тревожность, уровень стресса, уверенность в будущем

Для цитирования: Немировский В.Г. Феномен кумулятивной социальной эксклюзии в «обществе травмы» (на примере современной России) // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 2. С. 87–103. doi: 10.14258/ssi(2026)2–05

The Phenomenon of Cumulative Social Exclusion in the "Trauma Society" (on the Example of Modern Russia)

Valentin G. Nemirovskiy

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, valnemirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>

Abstract. The article is devoted to the contradiction between the growth of traumatic situations in modern Russian society, leading to the accumulation of social exclusion of various groups of the population, and the lack of knowledge of the social mechanism mediating this process. The theoretical basis of the research consists of scientific concepts considering the society of trauma (the works of R. Ayerman, J. Alexander, N. I. Lapin, J. T. Toshchenko, P. Shtompka, etc.). The research method is a secondary analysis of data from representative population surveys and social media content in modern Russia. Empirical indicators of cumulative social exclusion in the mass consciousness such as anxiety, stress levels, negative emotions and confidence in one's own future are analyzed. Based on the results obtained, the theory of trauma society is supplemented by the concept of cumulative social exclusion of the population, which makes it possible to clarify the social mechanism of its reproduction. Keywords: trauma society, cumulative social exclusion, anxiety, stress level, confidence in the future.

Keywords: trauma society, cumulative social exclusion, anxiety, stress level, confidence in the future

For citation: Nemirovskiy, V. G. (2026). The Phenomenon of Cumulative Social Exclusion in the "Trauma Society" (on the Example of Modern Russia). *Society and Security Insights*, 9(2), 87–103. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)2–05

Введение

На протяжении более 40 лет Россия находится в состоянии перманентных социокультурных потрясений. Данный период турбулентности детерминирован серией масштабных социальных травм и катастроф: распадом СССР, вооруженными конфликтами на постсоветском пространстве и в ближнем зарубежье, чеченскими кампаниями, грузино-российским вооруженным конфликтом 2008 г., воссоединением Крыма с Россией (2014), боевыми действиями на Донбассе, операцией в Сирии, пандемией COVID-19 и специальной военной операцией на Украине (с 2022 г.). Многие из этих событий, накладываясь друг на друга, усиливают травматизацию общества, закономерно расширяя зоны социальной эксклюзии и запуская механизм кумуляции.

Можно констатировать, что наличие социокультурных травм является показателем эксклюзированнойности социальных субъектов. Социальная эксклюзия становится кумулятивной в результате накопления последствий действия травмирующих факторов на протяжении длительного времени (например, нескольких десятков лет). Она проявляется в различных сферах общественной жизни: в экономической (ограниченный доступ к ресурсам, дискриминация на рынке тру-

да, низкий уровень доходов и др.), социально-политической (отсутствие доступа к реальной власти, неэффективные или формальные социальные лифты, невозможность свободно выражать свои политические взгляды и т.п.), культурно-этнической (сложности и препятствия для развития своей национальной культуры, дискриминация по признаку национальной самоидентификации и пр.). Поскольку ее проявления довольно многочисленны, мы остановимся на трех показателях, которые фиксируются в процессе многих социологических мониторинговых исследований: тревожности; стрессе (его индикатором, в свою очередь, могут быть отрицательные эмоции); уверенности в будущем.

Проблемный вопрос: противоречие между объективным ростом в современном российском обществе травмирующих ситуаций, ведущих к кумуляции социальной эксклюзии, и недостаточной изученностью социального механизма, опосредующего данный процесс.

Цель исследования: анализ кумулятивной социальной эксклюзии в российском обществе травмы, которая проявляется в массовом сознании общества и может быть выявлена с помощью репрезентативных опросов населения или анализа контента социальных сетей, а также социального механизма ее воспроизводства.

Гипотеза: перманентные травмы общества провоцируют процессы распространения социальной эксклюзии и вызывают ее кумуляцию, которая проявляется в росте состояний тревожности, стресса, неуверенности в личном будущем и др.

Теоретические основы исследования: научные концепции, рассматривающие общество сквозь призму концепта травмы, разработанные Р. Айерманом, Дж. Александером, Н. И. Лапиным, Ж. Т. Тощенко, П. Штомпой и др. Мы осознаем специфику тесно взаимосвязанных и зачастую синонимичных понятий — «социальная травма», «культурная травма», «травма общества», «историческая травма», «социокультурная травма», «психологическая травма», — которые известные ученые используют для обозначения весьма сходных ситуаций и состояний. Однако анализ их различий не входит в нашу задачу.

Методы исследования: вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных ведущими научными центрами России.

Обзор научной литературы

Проведенный Ahmad и соавт. библиометрический и тематический анализ более трех тысяч публикаций из базы данных Scopus, начиная с 1979 г., показал значительный рост числа исследований социальной эксклюзии, осуществленных представителями различных областей науки. Авторы выделяют две важные тенденции: рост интереса к цифровой изоляции и экологической справедливости (Ahmad et al., 2024).

J. Dykxhoorn и соавт. использовали данные крупного лонгитюдного исследования домохозяйств Understanding Society (USoc), проведенного в Великобритании (n = 31 100). Авторами «были рассчитаны общий показатель социальной изоляции и пять частных показателей, которые свидетельствуют об устойчи-

во высоком уровне социальной изоляции, с которым сталкиваются этнические меньшинства и самые молодые возрастные группы» (Dykxhoorn et al., 2024).

В работе М.Ю. Ефловой и О.А. Максимовой анализируются факторы, формирующие общество в условиях новой нормальности, и их влияние на усугубление социальной эксклюзии. Речь идет о цифровых технологиях, которые «еще больше усиливают расслоение и асимметричные отношения между разными группами населения, создают новые формы эксклюзии, девиантного поведения и деструкций» (Ефлова, 2022).

Важное место среди современных исследований в данной области занимает изучение рисков социальной эксклюзии в результате внедрения технологий искусственного интеллекта (Ваторопин А.С., Ваторопин С.А., 2025). К числу важных факторов возникновения и воспроизводства социальной эксклюзии в современном обществе исследователи относят процесс обучения любых нейронных сетей: «Проблема заключается в том, что вопросы, касающиеся меньшинств, не учитываются ИИ при принятии решений, так как он опирается на статистически значимые данные. Соответственно нейросети воспроизводят феномен эксклюзии сходно с тем, как его воспроизводят индивиды в обществе» (Тертышникова, 2022: 29).

Мы полагаем, что на основании данных исследований можно сделать вывод о формировании кумулятивной социальной эксклюзии под влиянием обучения нейросетей. Эту точку зрения разделяют и зарубежные ученые. Например, С. Нобл, основываясь на исследованиях феминистского движения, продемонстрировала, что поисковая система Google воспроизводит феномены сексизма и расизма, которые встречаются в реальной жизни (Noble, 2018).

Одним из важных аспектов социальной эксклюзии выступает моральная эксклюзия. Как считают Ж. В. Пузанова и А. Г. Тертышникова, в подобной ситуации «исключенные группы рассматриваются как аут-группы, а причиняемые им неудобства и лишения кажутся нормальными, поскольку справедливость по отношению к ним считается неуместной, а нормы морали — неприменимыми» (Пузанова, Тертышникова, 2022: 963).

Значительное число публикаций посвящено социальной эксклюзии молодежи как одной из наименее социально-защищенных групп населения. В частности, А. И. Омутков и В. М. Захаров выделяют «экономическую (доступ к ресурсам, возможности трудоустройства), социальную (доступ к образованию, здравоохранению, культурным мероприятиям), пространственную эксклюзию...» характерные для сельской молодежи (Омутков, Захаров, 2025: 244). Р. Гонзалез-Дельгадо и соавт. рассматривают факторы социальной эксклюзии подростков. Ими показано, что физические способности, привлекательность и состояние здоровья являются негативными статистическими факторами, предсказывающими как явное, так и скрытое исключение из коллектива (González-Delgado et al., 2024). Z. Bečević and M. Dahlstedt трактуют «социальную эксклюзию» у определенных категорий молодежи как отсутствие материальных и символических ресурсов, социальных прав и возможностей для реализации гражданских прав (Bečević, Dahlstedt, 2022). R. Nugin and M. Unt анализируют феномены доверия, самостоятельности и инди-

видуализма в ситуации социальной эксклюзии у молодых людей (Nugin, Unt, 2025). Как известно, зависимость от цифровых игр формирует социальную эксклюзию у молодежи. При этом исследование, проведенное среди турецких подростков ($n = 346$), свидетельствует, что осознание ими рисков, связанных с цифровыми играми, снижает такую зависимость (Akçakese, Demirel, 2025).

Одним из важных социальных институтов, в рамках которых проявляется социальная эксклюзия, является система высшего образования, что вызывает повышенный интерес ученых к подобным исследованиям. В частности, G. J. Pathania et al. рассматривают сравнительно мало изученные вопросы социальной эксклюзии в индийских университетах, в основе которой лежит как явная, так и скрытая кастовая дискриминация, предрассудки и стереотипы, а также ее влияние на психику студентов (Pathania et al., 2023). М. Мапуя анализирует эту проблему у студентов высших учебных заведений в той же стране, но в более широком контексте (Мапуя, 2025).

Специфика многоаспектной социальной эксклюзии пожилых людей проанализирована в работе F. Juma and A. Fernández-Sainz (Juma, Fernández-Sainz, 2024).

Социальную эксклюзию представителей квир-сообщества в Корее изучали Y. J. Hwang, T. M. Franke (2025). С позиций междисциплинарного подхода (социология, социальная психология, нейробиология) исследовались специфические факторы социальной эксклюзии представителей ЛГБТК+ (Kaprinis, Charalampakis, 2025).

Поскольку социальная эксклюзия выступает междисциплинарной проблемой, нельзя обойти вниманием тот факт, что социальная психология рассматривает социальную эксклюзию как «один из видов микроагрессивного поведения, цель которого состоит в отказе человеку от права быть членом значимых для него социальных групп (родственной, семейной, дружеской, сетевого сообщества), и/или депривация права быть включенным в диадические личностные отношения (дружеские, любовные, семейные). Это разрыв психологических (в том числе символических) связей между человеком и значимым другим (группой), который субъективно воспринимается как страдание, осознается как болезненное переживание отвергнутости, невключенности, обесценивания (Семенова, 2022: 100). Причем одной из распространенных форм социальной эксклюзии выступает «отвержение, переживание которого сопровождается чувствами обиды, одиночества, другими негативными эмоциями, а также поиском смысла происходящего» (Семенова, Кичигина, 2022, с. 102).

Таким образом, в современной зарубежной и отечественной научной литературе представлено значительное число работ, посвященных различным аспектам социальной эксклюзии. Однако до сих пор отсутствуют исследования, которые бы акцентировали ее специфику в обществе (обществах) травмы.

Результаты исследования

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что процессы, происходящие в таком обществе, накладывают отпечаток на специфику всех форм и видов

социальной эксклюзии, обостряя ее течение и превращая ее в перманентное состояние для значительной части населения страны.

Принято считать, что термин «социальная эксклюзия» был впервые введен Р. Ленуаром в 1974 г., который подсчитал, что каждый десятый гражданин Франции находится в состоянии эксклюзии. Автор подразумевал под этим группы населения, на которые не распространяется социальное страхование: людей с психическими и физическими расстройствами, пожилых и немощных, наркоманов, правонарушителей и др. (Lenoir, 1989). Э. Гидденс рассматривал социальную эксклюзию в процессуальном аспекте как «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока» (Giddens, 1998: 105)

Благодаря разноплановости этого явления до сих пор единой дефиниции понятия «социальная эксклюзия» не существует. Многоаспектность этого понятия во многом связана со спецификой подходов к анализу данного феномена представителей различных научных дисциплин. Анализ определений социальной эксклюзии, предложенных учеными, государственными органами, неправительственными организациями, показывает, что ее принято определять одновременно и как ситуацию, и как процесс, связанные с исключением социальных субъектов из общественной жизни: «В целом социальная изоляция описывает состояние, в котором люди не могут в полной мере участвовать в экономической, социальной, политической и культурной жизни, а также процесс, ведущий к такому состоянию и поддерживающий его» (United Nations, 2016: 38).

По мнению Н. Е. Тихоновой, «наиболее четко и исчерпывающе ситуация с изучением социальной эксклюзии в западной социологической традиции сущности самого этого явления охарактеризована в докладе П. Абрахамсона на 14-м Всемирном социологическом конгрессе в Монреале в 1998 г.¹² (Тихонова, 2010: 41).

Таким образом, социальная эксклюзия носит феноменально-процессуальный характер, что позволяет рассматривать ее как в статическом (феноменологическом), так и в динамическом (процессуальном) ракурсе.

Наряду с социологией важное место в ее изучении занимают психологические науки. Автором одной из широко известных психологических теорий социальной эксклюзии является К. Д. Вильямс. На основе экспериментальных исследований он доказал, в частности, что человек испытывает стресс из-за социального исключения, ибо оно создает барьеры для удовлетворения его глубинных потребностей в принадлежности, взаимодействии, в положительной самооценке; потребности контролировать действительность, а также потребности в смысле своего существования (Williams, 2009). В отечественной социологии значительный вклад в изучение социальной эксклюзии внесли М. С. Астостоянц, Ф. М. Бородкин, А. В. Дмитриева, С. Г. Максимова, О. Н. Калачикова, Н. М. Римашевская, Н. Е. Тихонова, А. А. Шабунова, В. Р. Шмидт и другие ученые.

Основываясь на трудах ряда известных социологов, таких как Дж. Александер, З. Бауман, Р. Айерман, П. Штомпка, Ж. Т. Тощенко рассматривает «общество

¹² Abrahamson P. Postmodern Governing of Social Exclusion: Social Integration or Risk Management // Sociologisk Rapportserie. 1998. No. 13. Kobenhavns Universitet: Sociologisk Institut.

травмы» в качестве третьей модальности «наряду с эволюцией и революцией» (Тощенко, 2020: 27). Автор приходит к выводу, что «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путем, обусловленным социальной травмой в ее развитии» (Тощенко, 2020: 11). По ее мнению, «для обществ травмы характерно исключение народа из процесса управления страной, производственными организациями, всем тем, что окружает людей в их повседневной жизни» (Тощенко, 2020: 59).

Именно перманентное травматическое состояние отечественного социума закрепляет социальную эксклюзию как его неотъемлемую характеристику. Приобретая застойный, непреходящий характер, она по мере возникновения все новых травмирующих ситуаций становится кумулятивной. Ее формы изменяются со временем, а последствия становятся все более серьезными.

Мы также опираемся на теорию П. Штомпки, который выделяет три области и соответствующие им типы возможных коллективных социальных травматических симптомов. «Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической дегенерации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее. Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию». Третье проявление ее последствий — «это область воздействия травмы на культуру» (Штомпка, 2001: 10).

Как уже отмечалось, одной из важных особенностей социальной эксклюзии в обществе травмы является ее тотальный кумулятивный эффект. Данные систематического обзора литературы (2011–2022 гг.), в процессе которого авторами были проанализированы 1199 статей, «свидетельствуют о том, что множественная виктимизация, травматический опыт родителей и передача травмы из поколения в поколение, системный кумулятивный вред и последствия для развития на протяжении всей жизни связаны с вероятностью и последствиями накопления физических и психологических травм» (Bryce, Collier, 2022). Эмпирические исследования финских ученых также показали, что коллективная виктимизация, вызванная исторической травмой, передается из поколения в поколение (Turjanmaa et al., 2025).

Таким образом, кумулятивную социальную эксклюзию можно представить как многомерный и многоаспектный процесс накопления последствий различных эксклюзионных ситуаций, каждая из которых влечет за собой цепь последующих исключений. Как результат, усиливаются депривация, стрессы, тревожность, склонность к девиантному поведению и т.п. Кумулятивная социальная эксклюзия может возникать как в рамках жизни отдельного человека, так и в процессе существования социальной общности — например, этнической группы или государства в целом.

Состояние неопределенности, имманентное обществу травмы, существенно сказывается на социальном самочувствии населения, порождая депривацию основных социальных потребностей, делая невозможным как для индивида, так

и для коллективных социальных субъектов адекватное планирование собственного будущего. Поэтому можно согласиться с мнением Н. А. Касавиной, согласно которому «Травматизация как социальный феномен связана с нарушением преемственности социокультурного развития, его целенаправленности и управляемости, порождает длительный негативный след в отношении социально-психологического самочувствия населения, переживание неустойчивости, неопределенности существования, дефицит ощущения благополучия» (Касавина, 2025: 10). Тем самым травматизация общества усиливает кумулятивную социальную эксклюзию значительной части его населения.

Важную роль в развитии кумулятивной эксклюзии играет расширение ее социальной базы. Так, к числу социально-эксcluзивированных групп относится прекариат, доля которого, согласно оценке Ж. Т. Тощенко, составляет 50–55% работающих. «Представители этого социального слоя сами считают себя “временщиками”, не полностью вовлеченными в трудовую деятельность и мало влияющими на принятие решений на различных уровнях» (Яковлева, Барашкова, 2025: 56).

Одной из высокоэксcluзивированных групп прекариата в России являются т.н. «самозанятые», значительная часть которых «отстранена от государства, политики, возможным следствием чего становятся: неудовлетворенность положением дел в стране, низкая политическая и гражданская ответственность, негативное институциональное и межличностное доверие» (Воробьева, 2025: 125).

Крайне важным, но до сих пор мало учитываемым фактором кумулятивной социальной эксклюзии в современной России является активная трудовая и образовательная миграция из стран бывшего СНГ. Как правило, большинство трудовых мигрантов и членов их семей оказываются в состоянии острой социальной эксклюзии. Нельзя не учитывать и ранее прибывших мигрантов, которые уже получили российское гражданство. По данным МВД СССР в 2024 г. в нашу страну приехало 6,3 млн иностранных граждан, около половины из них прибывает с трудовой целью. Большую часть из них занимают выходцы из Узбекистана (23,3%), Таджикистана (16,7%), Киргизии (10,4%) и Белоруссии (9,5%)¹³. Государства, возникшие на постсоветском пространстве, относятся к обществам травмы как минимум в силу обстоятельств своего возникновения и последующих деструктивных событий (войны, религиозные и межэтнические конфликты и др.), а также предшествующей истории, частично совпадающей с историей Советского Союза. Большинство из прибывших к нам граждан этих стран уже несут на себе серьезный отпечаток социальной эксклюзии, полученный у себя на родине. Наши исследования показали, что воспроизводство культурных травм, вызванных прошлым жизненным опытом мигрантов, и их продуцирование в стране пребывания относится к важнейшим латентным функциям этнонациональных диаспор в современной России. В результате возникает феномен «бинарной культурной травмы», который отражает сочетание последствий предшествующего

¹³ В МВД назвали число мигрантов, прибывших в Россию за 2024 год // РИА Новости. 19.06.25. URL: <https://ria.ru/20250619/mvd-2024043048.html>

травмирующего опыта, полученного этническим мигрантом на его исторической родине, и травмогенных ситуаций в стране пребывания (Немировский, 2024).

Следствием бинарной социокультурной травмы также выступает кумулятивная эксклюзия: подобное состояние, существовавшее у мигранта на своей исторической родине и вынудившее его выехать на поиски заработка в соседнюю страну, усугубляется эксклюзией, вызванной комплексом факторов, связанных с его новым местом пребывания.

Широкий обзор современных научных публикаций, посвященных данной теме, позволил сделать вывод, согласно которому социальная эксклюзия часто имеет «значительные психологические и эмоциональные последствия, приводящие к чувству отчуждения, бессилию и снижению самооценки» (Shulamite, 2025).

В нашем исследовании используются три основных индикатора социальной эксклюзии:

1. Тревожность.

ФОМ изучал настроение респондентов с помощью вопроса: «Какое настроение, по Вашему мнению, преобладает сегодня среди Ваших родных, друзей, коллег, знакомых — спокойное или тревожное?»¹⁴ 51% респондентов оценили его как спокойное, 42% — как тревожное.

Исследование онлайн-страховой компании «Лучи» и исследовательского центра «Позиция» показало, что «в той или иной степени тревожность ощущают 74,3% респондентов»¹⁵. «Первое место среди страхов во всех возрастных категориях респондентов занимает здоровье — свое и близких: 43,9% респондентов. Потеря работы или дохода пугает 40% опрошенных, ухудшение благополучия семьи — 40,9%. Кроме того, опрошенных беспокоят проблемы с жильем — 17,7%, неспособность накопить на пенсию — 12,2% и др.» (Там же).

«Национальный индекс тревожностей россиян — КРОС» показывает доминирующие в обществе тревоги и фобии, формируемые СМИ и жизненным опытом россиян. Общероссийский показатель этого индекса вырос за год на 7%. Причем ключевым сдвигом стало трехкратное увеличение показателя в Петербурге. Авторы исследования главной причиной резкого скачка тревожности жителей этого города, а также некоторых других регионов называют отключения мобильного интернета¹⁶.

2. Стресс

По данным ВЦИОМ, сегодня четверо из десяти россиян часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями, и этот показатель увеличился почти в полтора раза

¹⁴ ФОМ. Настроение окружающих. Опрос «ФОМнибус» 13–15 марта. Доминанты. Поле мнений. Выпуск 11. URL: <https://fom.ru/Dominanty/15315>

¹⁵ Свыше 13% опрошенных россиян постоянно испытывают тревогу // ТАСС, 27 ноября 2025 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25743367>

¹⁶ Петербург забрал у Москвы статус самого тревожного города России // Фонтанка.ру. 26 декабря 2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/12/26/76192693/>

с 2022 г. «Наиболее уязвимыми сегодня оказываются миллениалы, у которых индекс зашкаливает до 60,1–66,5 пункта, и это прямая дорога к выгоранию... Его заметность тесно связана с экономической неустойчивостью: чем хуже материальное положение, тем выше внутреннее напряжение»¹⁷. Здесь прослеживается связь стресса и социально-экономической эксклюзии.

Согласно другим результатам исследования ВЦИОМ, «...о тревоге заявили 43% респондентов, о грусти — 33%, раздражении — 29%, страхе — 22%, растерянности — 21%, злости — 16%». Были установлены различия в оценках своего эмоционального состояния между представителями разных поколений. «Наиболее оптимистичной группой оказались зумеры... С возрастом, по мере столкновения с жизненными реалиями и принятия долгосрочных решений, уровень оптимизма снижается, а тревожность растет, достигая максимума среди младших миллениалов, которые, в отличие от зумеров, уже столкнулись с необходимостью принятия долгосрочных решений — создания семьи, рождения детей, приобретения жилья»¹⁸. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о «накоплении» кумулятивной эксклюзии и ее последствий.

Левада-Центр изучал индекс личных ожиданий респондентов, который фиксировался на основе вопроса «А через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?»¹⁹. Судя по представленным данным, за последние два десятилетия этот индекс демонстрирует высокую изменчивость и в 2026 г. составил 117 п., т. е. уменьшился по сравнению с 2024 г. (134 п.). Согласно данным Левада-Центра 47% опрошенных выбирают вариант ответа «не знаю, что будет со мной даже в ближайшие месяцы». О том, что могут планировать свое будущее на ближайшие два-три года, говорят 34% респондентов. «...11% могут планировать свое будущее на ближайшие пять-шесть лет; на много лет вперед — 5%»²⁰.

Последствия социальной эксклюзии непосредственно отражаются на ответах респондентов: разница в разы в суждениях о (не)уверенности в хорошем будущем у людей с высокой и низкой самооценкой своего материального положения, по мнению Ю. В. Латова, тривиальна, поскольку «...личное настоящее проецируют его в свое и общероссийское будущее. Менее тривиальны возрастные ограничения. Оценки личного будущего... ухудшаются от оптимизма в юности к пес-

¹⁷ Стресс и как с ним бороться. 01 Декабря 2025 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya>

¹⁸ ВЦИОМ разделил россиян на четыре группы по эмоциональному состоянию // Эксперт. 28 янв. 2026.

¹⁹ Представления о личном положении и жизни в стране в целом через год: январь 2026 года. Левада-Центр. 24.02.2026 <https://www.levada.ru/2026/02/24/predstavleniya-o-lichnom-polozhenii-i-zhizni-v-strane-v-tselom-cherez-god-yanvar-2026-goda/> Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр». 18+

²⁰ Представления о будущем, горизонт планирования и адаптация к настоящему // Левада-Центр. 05.12.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/12/05/predstavleniya-o-budushhem-gorizont-planirovaniya-i-adaptatsiya-k-nastoyashhemu> Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр». 18+

симизму в старости» (Латов, 2024: 98). Данная тенденция, на наш взгляд, может свидетельствовать о кумуляции последствий социальной эксклюзии в ходе человеческой жизни. В целом у россиян «преобладают промежуточные чувства, несколько смещенные к неуверенности в будущем, беспокойству за него» (Латов, 2024: 99).

Обсуждение и заключение

Итак, выдвинутая гипотеза получила подтверждение. Выполненный нами вторичный анализ результатов представительных эмпирических исследований, которые были проведены рядом известных отечественных научных центров, показывает, что кумулятивная социальная эксклюзия приводит у подвергшихся ей групп населения к усилению стресса, отрицательных эмоций, тревожности, росту неуверенности в личном будущем.

Важно подчеркнуть, что социальная эксклюзия выступает одним из ключевых факторов, приводящих к радикализации социальных субъектов. Ее кумуляция благоприятствует усилению этого процесса. Обзор многочисленных зарубежных исследований показывает, что «социальная эксклюзия (а) повышает готовность идти до конца, (б) способствует одобрению радикальных, вплоть до насильственных, политических партий и действий и (в) подталкивает к участию в незаконных и насильственных действиях ради политической цели» (Pfundmair et al., 2024).

Об опасности радикализации людей в результате их хронической социальной эксклюзии предупреждают М. Маринуччи и П. Рива: «в отсутствие возможностей для восстановления социальных связей радикализация может стать привлекательным способом реинтеграции в общество, что приведет к вступлению в экстремистские группировки» (Marinucci, Riva, 2024).

С учетом большого количества этнических мигрантов в нашей стране логичный интерес вызывают результаты исследования, проведенного среди африканских иммигрантов в США (которые, кстати, согласно классификации Ж. Т. Тощенко, не относятся к обществам травмы). Оно показало, что социально-культурная и социально-экономическая эксклюзия у африканских иммигрантов в США (n = 409) усиливает симптомы депрессии и тревожности, снижает уровень доверия в обществе, усиливает чувство субъективной изоляции, повышает уровень беспокойства за свою безопасность, оказывает сильное негативное влияние на их психическое здоровье и социальное благополучие (Saasa et al., 2021). Логично предположить, что кумулятивная социальная эксклюзия в нашем обществе может иметь не менее отрицательные последствия.

Новизна выполненного нами исследования заключается в выявлении и описании специфического социального механизма, под действием которого имманентная обществу травмы ситуация социальной эксклюзии провоцирует подвергшихся ей индивидов и социальные группы к нарушению социального взаимодействия, вызывает состояние стресса, тревоги, депривации глубинных социальных потребностей, ощущение неопределенности, невозможность планировать свое будущее. В результате действия данного механизма воспроизводит-

ся состояние социальной эксклюзии, которая накапливается и в обществе травмы неизбежно принимает кумулятивный характер.

В качестве перспективной научной задачи целесообразно выделить конкретные формы кумулятивной социальной эксклюзии, свойственные российскому обществу травмы, и возможные способы минимизации ее последствий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ваторопин А. С., Ваторопин С. А. Риски социальной эксклюзии в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта в современных организациях // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 2. С. 163–171. DOI: 10.69571/SSPU.2025.95.2.017

Воробьева И. В. Социально-трудовое положение самозанятых работников // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 1. С. 125–137. DOI: 10.52180/1999–9836_2023_19_1_10_125_137

Ефлова М. Ю., Максимова О. А. Социальная эксклюзия в контексте новой нормальности: концептуализация подхода к исследованию // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 2. С. 36–41. DOI:10.26907/2079–5912.2022.2.36–41

Касавина Н. А. «Общество травмы» как концептуализация неопределенности // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 10–20. DOI: 10.31857/S0132162525010014

Немировский В. Г. Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2024. № 3. С. 60–89. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.04

Омутков А. И., Захаров В. М. Социальная эксклюзия и образ жизни сельской молодежи в социологическом измерении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 242–252. <https://doi.org/10.22394/2079–1690–2025–1–1–242–252>.

Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г. Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 963–971. DOI: 10.22363/2313–2272–2022–22–4–963–971

Семенова Г. В., Векилова С. А., Рудыхина О. В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 97–115. DOI: 10.17759/sps.2022130307

Семенова Г. В., Кичигина О. А. Отвержение как форма социальной эксклюзии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 1. С. 102–110. DOI:10.34216/2073–1426–2022–28–1–102–110

Тертышникова А. Г., Павлова У. О., Цимбал М. В. Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 23–30. DOI:10.26425/2658–347X-2022–5–4–23–30

Тихонова Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России. Мир России. 2022. Т. 12, № 1. С. 36–84.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–14.

Яковлева Н. Г., Барашкова О. В. Трансформация труда: генезис новой общественной системы? (обзор дискуссии) // Социологические исследования. 2025. № 8. С. 53–64. DOI: 10.31857/S0132162525080057

Ahmad Izhan FF., Ahmi A., Othman NAF., Majid M. Navigating the labyrinth of social exclusion: a bibliometric review // Mental Health and Social Inclusion. 2024. Vol. 28, no. 6. P. 1183–1203. DOI: 10.1108/MHSI-02-2024-0025

Akçakese A., Demirel M. Recreational awareness prevents digital game addiction associated with social exclusion in adolescents // World Leisure Journal. 2025. Vol. 67, no 1. 54–73. DOI:10.1080/16078055.2024.2337911

Bečević Z., Dahlstedt M. On the margins of citizenship: youth participation and youth exclusion in times of neoliberal urbanism // Journal of Youth Studies. 2022. Vol. 25, no. 3. P. 362–379. DOI: 10.1080/13676261.2021.1886261

Bryce I., Collier S. A systematic literature review of the contribution accumulation makes to psychological and physical trauma sustained through childhood maltreatment // Trauma Care. 2022. Vol. 2, no. 2. C. 307–329. DOI: 10.3390/traumacare2020026

Dyckhoorn J., Osborn D., Fischer L. et al. Measuring social exclusion and its distribution in England // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2024. No. 59. P. 187–198. DOI: 10.1007/s00127-023-02489-x

Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998. 166 p.

González-Delgado R., Rodríguez-Hidalgo AJ., Ortega-Ruiz R., Benítez-Sillero JdD., Murillo-Moraño J. Predictors of Social Exclusion among Adolescents: The Weight of Physical Self-Concept Dimensions // Children. 2024. Vol.11, no. 10. P. 1235. DOI:10.3390/children11101235

Hwang Y. J., Franke T. M. Queer social exclusion: Fields and forces in South Korea // Sociological Inquiry. 2025. Vol. 95, no. 4. P. 724–749. <https://doi.org/10.1111/soin.70029>

Juma, F., Fernández-Sainz, A. Social Exclusion Among Older Adults: A Multilevel Analysis for 10 European Countries. Soc Indic Res. 2024. Vol. 174, no. 2. P. 525–551. DOI:10.1007/s11205-024-03369-w

Kaprinis S., Charalampakis A. Social exclusion and psychopathology in LGBTQ+ communities: A neuropsychosocial review // Frontiers in Sociology. 2025. No. 10. P. 1638766. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1638766

Lenoir R. Les exclus: Un français sur dix. Paris: Seuil, 1989. 185 p.

Mapuya M. Exploring the state of social inclusion in higher education: students' phenomenological experiences // Education. Innovation. Diversity 2025. Vol.1, no 10. P. 61–78. DOI: 10.17770/eid2025.1.8368

Marinucci M., Riva P. Chronic Social Exclusion, Radicalization, and Extremism. In: Pfundmair M., Hales AH., Williams KD., eds. *Exclusion and Extremism: A Psychological Perspective*. Cambridge University Press. 2024. Pp. 263–286. DOI: 10.1017/9781009408165.013

Noble S. U. Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 43, no. 3. P. 592–594. DOI: 10.1080/01419870.2019.1635260

Nugin R., & Unt M. Navigating Margins: Trust, Autonomy, Individualism and Institutional Dynamics in Youth Social Exclusion. *YOUNG*. 2025. Vol. 33, no. 4. P. 360–378. <https://doi.org/10.1177/11033088251318511>

Pathania G.J. et al. Caste identities and structures of threats // *CASTE: A Global Journal on Social Exclusion*. 2023. Vol. 4, no. 1. P. 3–23. DOI: 10.26812/caste.v4i1.470

Pfundmair M. et al. How social exclusion makes radicalism flourish: A review of empirical evidence // *Journal of Social Issues*. 2024. Vol. 80, no. 1. P. 341–359. DOI:10.1111/josi.12520

Saasa S., Okech D., Choi Y. J., Nackerud L., & Littleton T. Social exclusion, mental health, and social well-being among African immigrants in the United States // *International Social Work*. 2021. Vol. 65, no. 4. P. 787–803. DOI:10.1177/0020872820963425

Shulamite S. The Psychological Implications of Living in Social Exclusion // *SAMRIDDHI*. 2025. Vol. 2, no. 1. P. 88–101.

Turjanmaa, E., Finel, E., and Tolvanen A. Ethnic Identity as Social Curse: Intergenerational Transmission of Historical Trauma // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2025. Vol. 35, no. 3. e70094. DOI:10.1002/casp.70094

United Nations. *Leaving no one Behind: The Imperative of Inclusive Development* (Internet). New York: United Nations; 2016. (Report on the World Social Situation 2016).

Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314.

REFERENCES

Vatoropin, A. S., Vatoropin, S. A. (2025). Risks of Social Exclusion in the Context of the Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Modern Organizations. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 163–171 (In Russ.). <https://doi.org/10.69571/SSPU.2025.95.2.017>

Vorob'eva, I. V. (2023). Social and Labor Status of Self-employed Workers. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 19(1), 125–137 (In Russ.). https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137

Eflova, M. Yu., Maksimova, O. A. (2022). Social exclusion in the context of the new normal: a conceptualization of the approach to research. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, 2, 36–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.36-41>

Kasavina, N. A. (2025). “Society of Trauma” as a Conceptualization of Uncertainty. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1, 10–20 (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0132162525010014>

- Nemirovsky, V. G. (2024). Ethnic diasporas in modern Russia as a product and source of cultural trauma. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya*, 3, 60–89 (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rsoc/2024.03.04>
- Omutkov, A. I., Zakharov, V. M. (2025). Social exclusion and lifestyle of rural youth in a sociological dimension. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 1, 242–252 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-242-252>
- Puzanova, Zh. V., Tertyshnikova, A. G. (2022). Moral exclusion in the context of social desirability. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya: Sociologiya*, 22(4), 963–971 (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-963-971>
- Semenova, G. V., Vekilova, S. A., Rudykhina, O. V. (2022). Social Exclusion: Development and Testing of the Scale. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 13(3), 97–115 (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130307>
- Semenova, G. V., Kichigina O. A. (2022). Rejection as a form of social exclusion. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika*, 28(1), 102–110 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-102-110>
- Tertyshnikova, A. G., Pavlova, U. O., Cimbal, M. V. (2022). Social exclusion as a side effect of machine learning mechanisms. *Digital Sociology*, 5(4), 23–30 (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-23-30>
- Tikhonova, N. E. (2010). The phenomenon of social exclusion in Russia. *Mir Rossii*, 12(1), 36–84 (In Russ.).
- Toshchenko, J. T. *Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)*. Moscow: Ves' Mir, 352 p. (In Russ.).
- Sztompka, P. (2001). Social change as a trauma. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1, 6–14 (In Russ.).
- Yakovleva, N. G., Barashkova, O. V. (2025). Labor Transformation: Genesis of a New Social System? (comments on a discussion). *Sociologicheskie issledovaniya*, 8, 53–64 (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0132162525080057>
- Ahmad, Izhan FF, Ahmi, A., Othman, NAF., Majid, M. (2024). Navigating the labyrinth of social exclusion: a bibliometric review. *Mental Health and Social Inclusion*, 28(6), 1183–1203. <https://doi.org/10.1108/MHSI-02-2024-0025>
- Akçakese, A., Demirel, M. (2025). Recreational awareness prevents digital game addiction associated with social exclusion in adolescents. *World Leisure Journal*, 67(1), 54–73. <https://doi.org/10.1080/16078055.2024.2337911>
- Bečević, Z., Dahlstedt, M. (2022). On the margins of citizenship: youth participation and youth exclusion in times of neoliberal urbanism. *Journal of Youth Studies*, 25(3), 362–379. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.1886261>
- Bryce, I., Collier, S. (2022). A systematic literature review of the contribution accumulation makes to psychological and physical trauma sustained through childhood maltreatment. *Trauma Care*, 2(2), 307–329. <https://doi.org/10.3390/traumacare2020026>
- Dykxhoorn, J., Osborn, D., Fischer, L. et al. (2024). Measuring social exclusion and its distribution in England. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 59, 187–198. <https://doi.org/10.1007/s00127-023-02489-x>

Giddens, A. (1998). *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 166.

González-Delgado, R., Rodríguez-Hidalgo, A.J., Ortega-Ruiz, R., Benítez-Sillero, JdD., Murillo-Moraño, J. (2024). Predictors of Social Exclusion among Adolescents: The Weight of Physical Self-Concept Dimensions. *Children*, 11(10), 1235. <https://doi.org/10.3390/children11101235>

Hwang, Y. J., Franke, T. M. (2025). Queer social exclusion: Fields and forces in South Korea. *Sociological Inquiry*, 95(4), 724–749. <https://doi.org/10.1111/soin.70029>

Juma, F., Fernández-Sainz, A. (2024). Social Exclusion Among Older Adults: A Multilevel Analysis for 10 European Countries. *Soc Indic Res*, 174(2), 525–551. <https://doi.org/10.1007/s11205-024-03369-w>

Kaprinis, S., Charalampakis, A. (2025). Social exclusion and psychopathology in LGBTQ+ communities: A neuropsychosocial review. *Frontiers in Sociology*, 10, 1638766. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1638766>

Lenoir, R. (1989). *Les exclus: Un français sur dix*. Paris: Seuil, 185 p.

Mapuya, M. (2025). Exploring the state of social inclusion in higher education: students' phenomenological experiences. *Education. Innovation. Diversity*, 1(10), 61–78. <https://doi.org/10.17770/eid2025.1.8368>

Marinucci, M., Riva, P. (2024). Chronic Social Exclusion, Radicalization, and Extremism. In: M. Pfundmair, A.H. Hales, K.D. Williams (Eds). *Exclusion and Extremism: A Psychological Perspective* (pp. 263–286). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009408165.013>

Noble, S. U. (2018). Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism. *Ethnic and Racial Studies*, 43(3), 592–594 <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1635260>

Nugin, R., & Unt, M. (2025). Navigating Margins: Trust, Autonomy, Individualism and Institutional Dynamics in Youth Social Exclusion. *YOUNG*, 33(4), 360–378. <https://doi.org/10.1177/11033088251318511>

Pathania, G. J. et al. (2023). Caste identities and structures of threats. *CASTE: A Global Journal on Social Exclusion*, 4(1), 3–23. <https://doi.org/10.26812/caste.v4i1.470>

Pfundmair, M. et al. (2024). How social exclusion makes radicalism flourish: A review of empirical evidence. *Journal of Social Issues*, 80(1), 341–359. <https://doi.org/10.1111/josi.12520>

Saasa, S., Okech, D., Choi, Y. J., Nackerud, L., & Littleton, T. (2021). Social exclusion, mental health, and social well-being among African immigrants in the United States. *International Social Work*, 65(4), 787–803. <https://doi.org/10.1177/0020872820963425>

Shulamite, S. (2025). The Psychological Implications of Living in Social Exclusion. *SAM-RIDDHI*, 2(1), 88–101.

Turjanmaa, E., Eerika Finell, E., and Tolvanen, A. (2025). Ethnic Identity as Social Curse: Intergenerational Transmission of Historical Trauma. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 35(3), e70094. <https://doi.org/10.1002/casp.70094>

United Nations. (2016). *Leaving no one Behind: The Imperative of Inclusive Development* (Internet). New York: United Nations; (Report on the World Social Situation 2016).

Williams, K. D. (2009). Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Валентин Геннадьевич Немировский — д-р социол. наук, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам, г. Москва, Россия.

Valentin G. Nemirovskiy — Dr. Sci. (Sociology), Chief Research Fellow, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026;
одобрена после рецензирования 10.06.2026;
принята к публикации 10.06.2026.
The article was submitted 19.05.2026;
approved after reviewing 10.06.2026;
accepted for publication 10.06.2026.